

За годы своего существования человек научился измерять практически все — вес, расстояние, силу тока, давления, взрыва... Но, думается, вряд ли пришло кому в голову изобрести такой прибор, с помощью которого можно было бы измерить силу человеческого страдания. Впрочем, существовать даже такой прибор, он в ших случаях просто бы "заикался" от той массы горя и страданий, которая выпала на долю некоторых.

...Передо мной — потертая тетрадь в сером клеенчатом переплете, наполовину исписанная ровным убористым почерком. Не знаю уж, с какого захода смогла более-менее спокойно воспринять написанное. Невероятно трудно читать об этих нечеловеческих муках. Каково же их было пережить?

Автора рукописи, Клавдии Алексеевны Котовой, уже 12 лет нет в живых. Свои воспоминания она написала после того, как в "Известиях" прочла публикацию "Героини мятежного лагеря". Оказывается, Клавдия Алексеевна была близко знакома с женщинами-подпольщицами, о которых рассказала газета. "Сама я героиней не была, — написала она в воспоминаниях, — а была простой узницей этого мятежного лагеря". Быть узницей фашистского лагеря, выжить самой, сохранив жизнь четверым своим детям, — это разве не подвиг?

Да, все четверо детей Клавдии Алексеевны уцелели в том страшном аду. Вернулись на родину, выучились, трудятся, растят детей и внуков. Один из них, Михаил Сергеевич, работает у нас на Центральном телеграфе, в лаборатории метрологии.

Родился Миша в Москве, в семье коренных москвичей. Отец был военным, а значит, семье приходилось все время перемещаться. Так в конце 30-х годов Котовы оказались на границе с Польшей, а затем в Вильнюсе. Здесь их и застала война. Отец ушел воевать, а у матери на руках осталось четверо детей — мал мала меньше. То, что потом пришлось им пережить, вполне могло бы послужить сюжетом для фильма типа "Помни имя свое". Когда началась война, Мише было всего три года, так что воспоминания о том периоде у него весьма смутные. Зато все, до мельчайших подробностей, запомнила Клавдия Алексеевна. В этом вы убедитесь, познакомившись с ее воспоминаниями.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Война со всем своим ужасом нагрянула на нас внезапно. Мужа моего, он был командиром полка, в 2 часа ночи вызвали в штаб дивизии. И я, ничего не зная, осталась в этот страшный день одна с четырьмя детьми: старшей было 11 лет, а младшему исполнился только годик. Бомбить Вильнюс стали в 2 часа дня. В городе было очень тревожно. Ко мне пришли женщины, с которыми мы вместе жили в военном городке, — Полина Шестакова с детьми и Раиса Малышева с сыном. В 10 часов вечера нас эвакуировали (мужа я так и не видела, как оказалось, он в это время был уже в бою). Вместе с этими женщинами мы ехали в одном товарном вагоне. Дорога была страшно трудная: очень бомбили и приходилось то и дело вылезать из вагона и прятаться в лесу. Так ехали целый день, а в ночь на 24 июня бомбежка усилилась. Поезд опять остановился. Измученные бесконечными вылазками, мы вместе с Полиной решили остаться в вагоне. Юра Малышев со своими друзьями-комсомольцами уговаривали нас уйти в лес. Но на это у нас уже не было сил, да и боялись мы в темноте растерять детей. Они, измученные страхом, жадой, так крепко уснули, что мы их не могли разбудить.

Все, кто мог, ушли, а мы с Полиной и спящими детьми остались одни. Вагон был закрыт, кругом темнота, а снаружи все гремело, рвалось и трещало. Мы уже ни на что не надеялись — молчали и уже как будто сами не жили.

Потом наступила тишина, словно все разом вымерло. Вдруг через некоторое время среди этой жуткой тишины мы услышали немецкий разговор: мимо нашего вагона прошли фашисты. Услышав их голоса, мы просто обмерли от страха. И тут Полина говорит мне, что у нее есть бритва и можно покончить с собой, чтобы не попасть в руки врага. Я схватила ее за руку и стала умолять отдать мне эту бритву. Говорила ей, что, возможно, не все потеряно, что, может быть, наши где-то рядом. "Мы с тобой можем покончить с собой", — твердила я, — а что будет с нашими детьми? На них-то у нас рука не поднимается". Наконец Полина швырнула бритву в темноту.

Так, обессиленные, измученные, сидели мы с ней, тесно прижавшись друг к другу, как вдруг почувствовали запах гаря. Бросились к двери, но она оказалась очень тяжелой и мы не смогли ее открыть. Вагон все больше наполнялся дымом. Проснулись и стали кричать дети. На помощь нам поспешили женщины, которые еще вечером выбрались из вагона и прятались в канаве. Когда мы выпрыгнули из вагона, весь состав уже горел, откуда доносились крики тех, кто был ра-

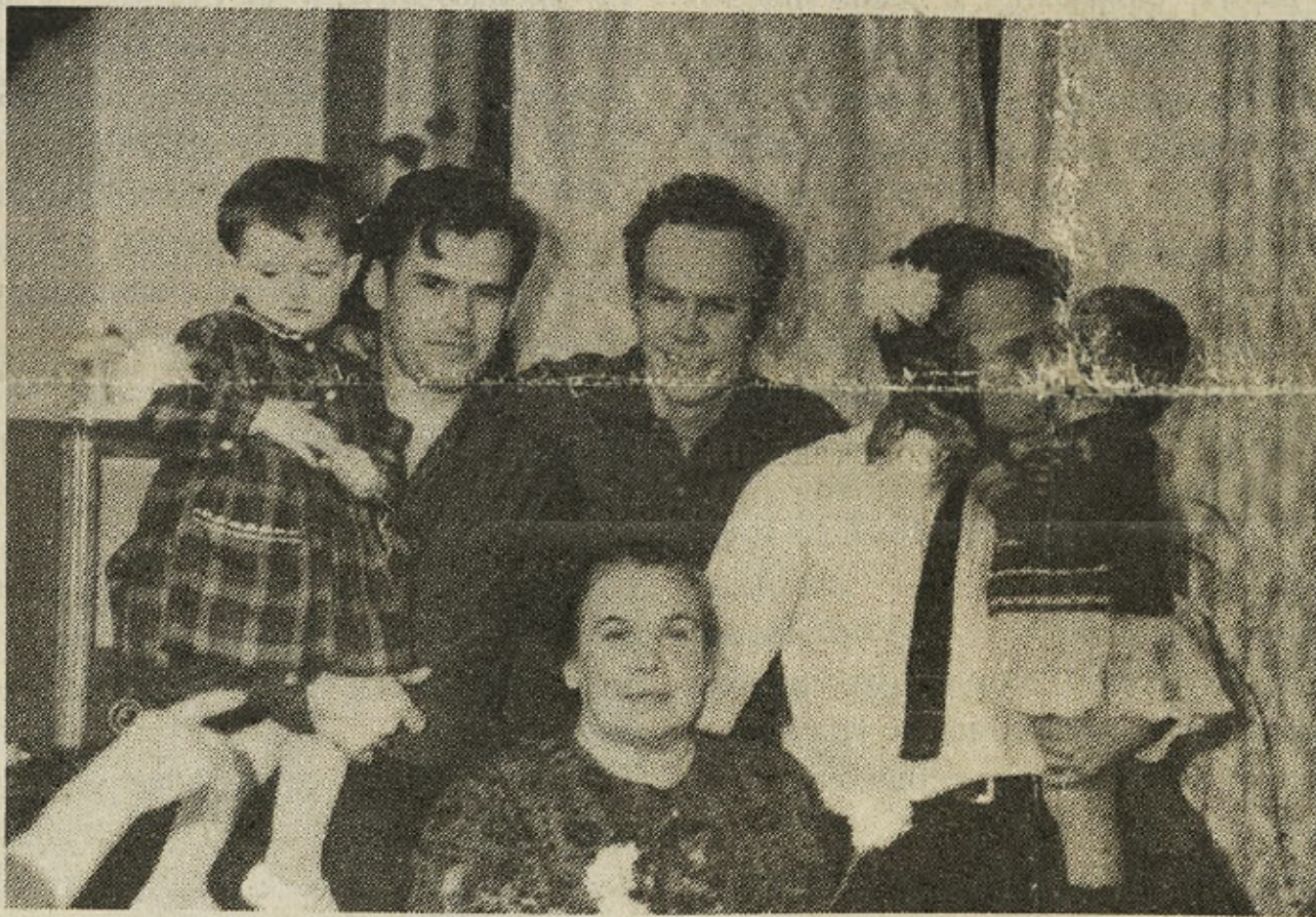
дать мне пропуск в больницу — отказать, сказав: "Умрут — похоронят". Я не уходила, валяясь у него в ногах, и, видно, надоела ему своими причитаниями, он ударил меня кулаком по лицу и пинком выгнал из канцелярии. Я захлебнулась кровью — разбиты были нос, губа, выбиты два зуба. Полина все время была со мной, успокаивала и поддерживала меня, но я с ума сходила от горя. Только благодаря врачам — чутким, заботливым, а самое главное, смелым, дети выжили. Спасая нас и наших детей, врачи каждую минуту сами рисковали жизнью и, кстати, многие сию заплатились.

ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ НОВОСТИ

Когда наступили холода, нас, взрослых, стали отправлять на заготовку дров. Несмотря на то, что работать было трудно, мы радовались, что теперь могли раздобыть какой-нибудь еды для наших детей. К тому же мы стали не так одиноки — все что-нибудь услышишь о своих. Много говорили о партизанах. Но самой большой радостью было то, что врагу не удалось взять Москву. Фашистские бомбовозы все реже летали в сторону столицы. Хорошие новости из города очень нас

Полвека после войны

ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ ОПАЛИЛ ДУШИ ЛЮДЕЙ НАВСЕГДА

нен во время бомбежек и не смогли выбраться из вагонов. Мы им ничем не могли помочь, потому что сами были окружены фашистами.

ПЛЕН

В ночь на 25 июня мы были уже в плену у немцев. Они выглядели такими гордыми, самонадеянными, все повторяли: "Москва капут!". Через несколько дней всех нас, женщин и детей, отправили назад в Вильнюс. Там согнали в здание бывшего штаба дивизии Красной Армии. Вечером 8 июля пришли солдаты с автоматами, чтобы вести нас на расстрел. Однако этот приказ был потом отменен. На другой день нас перевели в бывшую еврейскую школу. Кормили очень плохо. Особые гонения испытывали евреи. На грудь и спину каждого из них повесили желтую звезду. Не разрешали им ходить по тротуарам. Потом всех евреев стали сгонять в гетто для массового уничтожения. Начались кошмарные, жуткие ночи, полные криков и стрельбы: это по дороге в гетто расстреливали слабых и больных. Очень скорбным был для нас и гул фашистских бомбардировщиков: мы знали, что они летели бомбить Москву.

От постоянного недоения наши дети стали болеть. Больных и здоровых держали вместе. Ребята все время плакали, просились домой, звали своих отцов, просили хлеба. Многих из них отправили в больницу. Попали туда и мои четырехлетние Миша и годовалый Володя. Забрали их от меня ослабших, опухших от голода, и я уже не чаяла их больше увидеть — умолять детей нам не разрешали. Умоляла, на колених просила коменданта лагеря

поддерживали. В лагере повеяло чем-то новым, женщины не выглядели уже такими убитыми, а стали более бодрыми и смелыми. Первый арест (взяли Зину Самборскую) был для всех нас тяжелым ударом. А потом эти удары последовали один за другим. И мы тогда поняли, что наши женщины ведут подпольную работу и с кем-то связаны.

Я была приходившей домработницей в семье одного литовца, там познакомилась с русской семьей Петровских. И вот накануне Нового, 1942 года я зашла к ним (они попросили меня помыть полы), дома был один Кирилл Мефодьич, очень добрый старик, и он открыл мне тайну, что у них есть приемник. Включил мне его. С бьющимся сердцем слушала я такую близкую и такую бесконечно далекую дорогу нашу Москву. Диктор говорил о провале фашистской операции под Москвой, о доблести нашей армии, о том, что теперь за спиной каждого фашиста стоит смерть. Хотелось бы еще слушать и слушать, но это было очень рискованно для хозяйки. И потом, хотя и редко, мне доводилось слушать радио у Петровских. С какой радостью слушала меня потом женщины в лагере! И я рада была, что могу поддерживать их добрыми вестями.

И все же печалей и горестей в нашей лагерной жизни было куда как больше. А 23 февраля 1942 года. Уже был первый вывоз в Германию. Детей разлучали с матерями. Сколько было крику, слез! Невозможно все это передать.

НЕ СКЛОНИЛИ ГОЛОВЫ

И все же женщины наши не склонили головы перед врагом. Подпольщицы продолжали свою опасную работу. Все мы вредили немцам как только могли — били в их столовую посуду, что-то ломали, портили. Были случаи, что даже помогали бежать из лагеря пленным. Вскоре арестовали Полину и еще одну женщину. Дети Полины остались в лагере, они стали нашими общими детьми.

В лагере женщины очень любили Таню Ястребову — красивую молодую женщину, жену летчика. Она умела поддерживать нас, вселять надежду. Я работала вместе с ней в столовой. Помню, ей удалось разыскать где-то сухарей, она спрятала их в дровах и шепнула мне: "Отнеси ребятам. Пусть хоть один день они не будут хотеть есть". А вообще-то мы собирали с тарелок объедки, ничуть не брезгуя: дети постоянно голодали.

Аресты в нашем лагере усилились, чаще стали проводиться обыски. Ходили слухи о том, что всех нас вывезут в Германию. Так что мы жили в постоянной тревоге. В марте 1943 года был первый налет нашей авиации на расположение врага в Литве. Боже, как мы радовались этому событию! Ночью все выбежали во двор, плакали и целовались. Ведь это были НАШИ. До нас доходили слухи о большом партизанском движении. Мы ждали, надеялись, верили, но случилось худшее. 5 сентября 1943 года нас отправили в Германию. В Белостоке мы перенесли настоящую пытку унижением и позором. Женщин и девушек раздели донага. Врачи осматривали нас, как скотину. Годных, по их меркам, гнали в парикмахерскую стричься. Самое же страшное было то, что нас оторвали от Родины и гнали на чужбину к ненавистному врагу.

Первый наш лагерь располагался в западногерманском городе Сан-Половике, граничащем со Швейцарией. Как же мы завидовали этой свободной стране, где по вечерам светились огни, было тихо и спокойно!

Нас сразу же стали посылать на работу — в основном на заводы. Ходили туда в сопровождении полицейских с собаками. На грудного из нас пришли лоскуток с надписью "ост" — "восточник". Без этого знака мы не имели права ходить. В лагере было очень тяжело. Кормили отвратительно, и опять больше всего от этого страдали дети. На заводах работало много французов, они, как могли, помогали нам, сознательно рискуя жизнью.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР

Наступила зима — дождливая, сырая. Дети стали сильно болеть. Мы, матери, уходили на работу, а они на целый день оставались одни — голодные, незащищенные. Фашисты их не щадили, за малейшую шалость жестоко наказывали и травили собаками. Ребятишки были такие жалкие, бледные. Они никогда не смеялись, все время просили есть. Помню такой случай, да и забыть его невозможно. Пришла я с работы — усталая, больная, измученная. Малыши плачут голодные, а я не смогла им ничего принести. Вдруг мой десятилетний сын Игорь говорит: "Я сейчас пойду и что-нибудь принесу из еды. Мы с Вовкой Неверовым знаем лазейку". Я его останавливала, но он меня не послушал. Проходит немного времени, вбегают в барак ребята и кричат мне: "Вашего Игоря и Вовку полицией бьют головами о стенку". А полицией действительно был очень злой. Я от ужаса просто окаменела — хочу сдвинуться с места и не могу. В это время в барак вбегают Вовка с Игорем — испуганные, бледные. И бегом прятаться под нары. Женщины их оттуда скорее вытащили и затолкали в шкаф. Меня увели в коридор, чтобы я своим видом не выдала мальчишек. Вбежал полицией — детей много, решил он, что виновников здесь искать бесполезно, и с руганью удалился.

ЧЕСТНЫЙ ПОСТУПОК

Работать мы старались как можно хуже. Портили детали, ссылаясь на незнание языка. Ребята нарочно наносили себе раны, растревляли их кислотой, поспали солью. Страшно мучались при этом, но зато фашисты оставались без рабочих рук. Многие узники не могли работать от голода: в день нам давали немного баланды и 100 г хлеба.

Но и это было для нас не самым страшным. Больше всего мы боялись, что у нас отнимут детей. Девочек предлагали отдать в прислугу. Оставить ребенка на чужбине — это было самое страшное, ведь мы все же надеялись вернуться на нашу дорогую, никогда не забываемую Родину.

Даже в условиях тяжелой лагерной жизни наши дети оставались порядочными и честными. Моя дочь Светлана нашла на мосту через Рейн изящные дамские часики — довольно дорогие. Вечером она мне говорит: "Мне эти часы здесь совсем не нужны, а тот, кто потерял их, наверно, переживает и мучается". Утром мы с ней понесли находку начальнику лагеря. Он, как и переводчик (русский эмигрант), очень удивился такому поступку. Нашлась хозяйка часиков — молоденькая девушка-эльзаска. Вместе с матерью они пришли в лагерь, принесли дочери хлеба, яблок, подарили ей платье.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

В сентябре 1944 года нас перегнали в другой лагерь — недалеко от города Зингер. Спали мы здесь все вповалку, постоянно голодали. Потом был еще один лагерь, уже не помню, как он назывался. Здесь мы кое-как дотянули до весны 1944 года. Детей спасли только тем, что из заброшенного фруктового сада умудрялись приносить им спелые яблоки. Мы дожили до дня освобождения. Это было 28 апреля 1945 года. Освобождали нас французские войска.

Эти моменты помнит уже и сам Миша — ему шел тогда восьмой год. Лагерная охрана передвигалась в гражданское, бросала оружие в реку и в панике убегала...

В Москву же вернуться Клавдия Алексеевна с детьми удалось только через 7 месяцев — все это время бывших узников содержали в пересыльном лагере при советской военной миссии.

Потом были поиски отца и волнующая встреча с ним. В начале 50-х годов Котовы обосновались в Подмоскowie. Михаил закончил школу, отслужил в армии. В 1960 году он пришел в телеграфную школу ЦТ, 25 лет отработал на "Лимане", еще несколько лет — на 417-й станции. Теперь вот занимается ремонтом электроизмерительной аппаратуры в лаборатории метрологии.

Сестра Михаила Сергеевича живет в Твери, двое братьев — в Москве. Наверно, еще не было случая, чтобы собравшись вместе, они не вспомнили те эпизоды лагерного детства, которые оставили на их душах глубокие шрамы. И всегда перед ними — светлый образ матери, сумевшей сделать, по сути, невозможное — сохранить жизнь своим детям там, где людей не считали за людей. Да и не только сохранить жизнь, но и защитить их хрупкие души от ожесточения, злобы, ненависти. Этого нет. Остались только незаживающие душевные раны.

...Вместе с Михаилом Сергеевичем мы еще раз просматриваем записи в тетради. И вдруг вижу, что он снимает очки и закрывает глаза руками. По щекам его бегут слезы. Мне трудно что-либо сказать в утешение: такое трудно вспомнить спокойно. Страшно только, что вновь приходится слышать о фашизме — даже в нашей стране. Особенно тревожно за молодежь. И может быть, стоит ей почаще рассказывать о таких историях, подобно той, которая произошла с семьей Котовых. Пусть задумается!

В. КУЗНЕЦОВА.

На снимке: Клавдия Алексеевна Котова с сыновьями и внуками. Михаил Сергеевич — первый во втором ряду. Фото из семейного архива.